

Ван Чжэнь высыпал в пруд весь оставшийся в руке корм для рыб. Он всерьез задумался на некоторое время, слегка нахмутив брови, будто столкнулся с неразрешимой задачей. Спустя долгое время он тяжело вздохнул и серьезно произнес:

— Хотя я и не ученый Академии Ханьлинь, но если ты, младший брат, действительно этого хочешь, я могу попытаться побороться за это место и стать главным экзаменатором нынешнего Осеннего экзамена. Вот только мы с тобой учимся у одного наставника. Не лучше ли сначала попросить учителя изгнать тебя из школы? Иначе, если я стану главным экзаменатором, тебе придется отказаться от участия, дабы избежать подозрений в кумовстве. Впрочем, и такой исход возможен: с твоим почерком в стиле гуаньгэти я непременно буду смотреть в оба и постараюсь отыскать твою работу среди десяти тысяч экзаменационных свитков. Что скажешь?

Ван Чжэнь изящно улыбался, Тан Шэнь же мог ответить лишь молчанием.

Ван Цзыфэну решительно нельзя было верить!

От автора:

Сосед Ван: — Этот мой младший брат, в конце концов, всего лишь пятнадцатилетний хорошенький мальчишка.

Юный Тан: — Ты тоже заметил, что мне всего пятнадцать?

Фува и все остальные: — Зверь!!!

По сравнению с предыдущими династиями, в Великой Сун правила проведения государственных экзаменов были куда строже. Начиная с провинциального экзамена, вводилась система сокрытия имен. После каждого тура экзаменаторы немедленно заклеивали имена кандидатов бумагой, чтобы проверять работы анонимно. Поэтому, если бы Ван Чжэнь действительно стал главным экзаменатором и захотел сделать поблажку Тан Шэню, ему пришлось бы узнавать его исключительно по почерку.

В правление покойного императора случилось громкое дело о мошенничестве на экзаменах. Тогда один из кандидатов-цзюйжэней подкупил экзаменатора: в написанном им стихотворении на заданную тему последний иероглиф в каждой паре строк был строго определенным, благодаря чему экзаменатор и должен был узнать его свиток. К сожалению для них, этот замысел провалился. Попытка незаметно отыскать один-единственный свиток среди десяти тысяч других за три дня — будь то по секретному знаку или по почерку — на деле была одинаково трудной задачей.

Тан Шэнь, подражая Ван Чжэню, высыпал весь оставшийся корм в пруд.

— Слышал я, что память у рыб длится всего лишь мгновение, — заметил Ван Чжэнь.

Тан Шэнь опешил:

— ?

Ван Чжэнь долго всматривался в десяток плавающих в пруду парчовых карпов, а затем вдруг указал на одного из них, который обожрался и всплыл кверху брюхом:

— Смотри, ты его почти закармлил до смерти.

Тан Шэнь промолчал.

«Какого черта это я его закармлил?! Ты ведь сам кормил точно так же!!!»

За все то время, что он провел в древности, у Тан Шэня впервые возникло непреодолимое желание показать кому-то средний палец. Но он сдержался и опустил голову, не смея больше смотреть на Ван Чжэня — боялся, что если взглянет еще раз, то не удержится и ударит кулаком по этому благородному, утонченному лицу.

Ван Чжэнь, словно ничего не заметив, отряхнул ладони и произнес:

— Стать главным экзаменатором ради младшего брата — возможно, тоже выход. Младший брат, а ты пытаешься угадать, кто возглавит Осенний экзамен в этом году?

Тан Шэнь к тому времени уже взял себя в руки.

— Нет, — ответил он. — Я только недавно прибыл в Шэнцзин и еще плохо знаком с местными делами. Когда я был в управе Гусу, то слышал, что для проведения провинциального экзамена в Академии экзаменов Цзяннань в этом году первоначально был назначен Ло Чжэньло, Ученый Ло. К сожалению, он покончил с собой, перерезав горло, и теперь неизвестно, кто станет главным экзаменатором в Академии экзаменов Цзяннань.

— Сейчас в Академии Ханьлинь служат пятнадцать ученых-бакалавров и четыре старших ученых-академика, — пояснил Ван Чжэнь. — Провинциальные экзамены в разных регионах, если не происходит ничего непредвиденного, обычно возглавляют ученые-бакалавры. Но для Шэнцзина и Академии экзаменов Цзяннань делается исключение: экзаменационные задания там составляют старшие ученые. Таких людей четверо: Ученый Ли, Ученый Ян, Ученый Чжоу и Ученый Пань.

Слуга торопливо вошел в сад, налил чай Ван Чжэню и Тан Шэню в беседке у пруда и поставил две тарелки со сладостями. Зайдя в беседку, Тан Шэнь посмотрел на тарелку с белоснежными пирожными айвово на каменном столе, и на душе у него стало как-то странно. Он поднял взгляд на Ван Чжэня.

— Среди этой четверки Ученый Ли уже в преклонных летах, — продолжил Ван Чжэнь. — Провинциальный экзамен состоит из трех туров, каждый длится целый день. Это тяжелое испытание как для кандидатов, так и для экзаменаторов. Ученый Ли уже восемь лет не занимал эту должность. Что касается Ученого Яна, то он родом из Цзиньлина. По правилам, уроженцы тех же мест не могут быть там главными экзаменаторами, поэтому его отправка в Академию экзаменов Цзяннань маловероятна. — Ван Чжэнь сделал паузу и с улыбкой спросил: — Младший брат, тебе больше не нравятся сладости?

Тан Шэнь молча взял одно пирожное айвово и откусил кусочек.

— Значит, старший брат хочет сказать, что раз Ученый Ян не поедет в Академию экзаменов Цзяннань, то он, скорее всего, станет главным экзаменатором провинциального экзамена здесь, в Шэнцзине?

Ван Чжэнь не ответил прямо, а лишь произнес:

— Всем известно, что Ученый Ян сведущ в «Чжоу и» и больше всего любит трактат «Цза гуа чжуань». Ученый Чжоу искусен в «Чуньцю», а Ученый Пань также силен в «Чжоу и».

Тан Шэнь внезапно замер и уставился на Ван Чжэня.

Голос Ван Чжэня звучал мягко:

— Почаще читать «Чжоу и» всегда полезно.

Тан Шэнь внутренне содрогнулся от изумления.

Ван Цзыфэн всего в нескольких словах раскрыл ему, кто будет главным экзаменатором на провинциальном экзамене в Шэнцзине в этом году!

Хоть на душе у Тан Шэня и бушевали волны, внешне он ничем этого не выдал. Он почтительно ответил:

— Благодарю за подсказку, старший брат. Вернувшись, я усердно примусь за изучение «Чжоу и».

До Осеннего экзамена оставалось еще более четырех месяцев. По правилам, только в следующем месяце, после праздника Цинмин, император утвердит список главных экзаменаторов для каждого региона, собственноручно запишет его и оставит в павильоне Юйтан Академии Ханьлинь. Никто не мог знать заранее, кто возглавит экзамен в Шэнцзине. Но раз уж Ван Чжэнь с такой уверенностью посоветовал ему читать «Чжоу и», Тан Шэнь вдруг подумал: даже если изначально главным экзаменатором планировали назначить не Ученого Яна или Ученого Паня, Ван Чжэнь непременно сделает так, чтобы им стал один из них.

Понимая друг друга без слов, они принялись пить чай и есть сладости.

Ван Чжэнь просмотрел два написанных Тан Шэнем сочинения-чжии и стихотворение на заданную тему. Он велел слуге принести из кабинета письменные принадлежности и внес работы несколько правок.

— Возьми это с собой, перечитай еще раз, а завтра перепиши начисто и покажи мне.

Вместе с тем он велел принести прописи «Стела монастыря Фамыньсы» и передал их Тан Шэню.

Тан Шэнь не стал открывать прописи «Стела монастыря Фамыньсы», решив, что это личный каллиграфический свиток Ван Чжэня. Еще два года назад, до того как стать учеником Лян Суна, он уже видел каллиграфию Ван Чжэня. Его кисть двигалась подобно парящему дракону и извивающейся змее, иероглифы были полны внутренней силы и величавого изящества — не хватит никаких похвал, чтобы описать их красоту.

— Благодарю за прописи, старший брат Цзыфэн. По возвращении я обязательно буду усердно их копировать.

— Это не мои прописи.

Тан Шэнь с удивлением посмотрел на него.

Ван Чжэнь сделал глоток чая и небрежно заметил:

— Это «Стела монастыря Фамыньсы», написанная Чжун Тайшэном.

Чжун Вэй, Чжун Тайшэн!

Зрачки Тан Шэня сузились, и он тихо отозвался:

— Да.

Покидая Резиденцию министра, Тан Шэнь уносил с собой не только исправленные сочинения-чжии и стихотворение, но и новые прописи, а также коробку со сладостями. Кто знает, откуда в доме Ван Чжэня взялось столько угощений: пока они разговаривали, Тан Шэнь ни разу не видел, чтобы хозяин к ним прикоснулся. Складывалось впечатление, будто Ван Чжэнь купил их специально, чтобы угостить его.

Тан Шэню все это казалось странным: «Неужели Ван Цзыфэн нянчится со мной, как с ребенком?»

«...Да нет, не может быть».

«Определенно не может!»

Когда он вернулся домой, Управляющий Лу уже привел с биржи маклеров несколько расторопных слуг.

— Молодой хозяин, посмотрите, кто вам больше по душе, и оставьте при себе для поручений, — сказал Управляющий Лу.

Тан Шэнь принялся приглядываться к четырем слугам. Слуга, которого он выбирал, отличался от обычной прислуги — ему требовался личный помощник. В будущем ему предстояло каждый день ходить на уроки в дом Ван Чжэня, так что слуге придется выполнять обязанности книгоноши и повсюду следовать за ним. Если он выберет кого-то неподходящего и это бросится в глаза Ван Чжэню, Тан Шэнь будет чувствовать себя крайне неловко.

Подумав, Тан Шэнь спросил:

— Умеет ли кто-нибудь из вас читать и писать?

Четверо слуг растерянно переглянулись.

— Молодому хозяину нужен грамотный? — спросил Управляющий Лу. — Я не выдвигал такого требования, когда покупал их на бирже маклеров. Грамотные слуги ценятся на вес золота, за ними нужно обращаться заранее.

Вдруг вперед выступил один щуплый слуга:

— Ничтожный знает немного иероглифов.

— О? — удивился Тан Шэнь. — И какие книги ты читал?

Слуга со стыдом опустил голову:

— В детстве я просто бегал за своим двоюродным братом и подслушивал под окнами сельской школы. Читать книги мне не довелось, я лишь знаю некоторые иероглифы.

Тан Шэнь задал еще несколько вопросов и убедился, что слуга действительно знает грамоту, хотя и не читал Четверокнижия и Пятикнижия, а из «Лунь юй» одолел от силы половину.

— Беру тебя. Как тебя зовут?

— Ничтожного зовут Лю Шуньчжу.

Тан Шэнь промолчал. Немного подумав, он произнес:

— Отныне твое имя будет Фан Хуань.

— Слушаюсь.

Но через мгновение Тан Шэнь рассудил, что это имя не подходит, и добавил:

— Постой, имя Фан Хуань тебе не годится. Будешь зваться... Фэнби.

Фэнби ничего не понял, но спорить с хозяином не посмел:

— Да, отныне ничтожный зовется Фэнби.

У Фу Вэя были Мальчик-чтец Вэньшу и Мальчик-цитрист Фуцинъ, вот и Тан Шэнь, подражая ему, завел себе Мальчика-писаря Фэнби.

<http://bllate.org/book/18292/1754498>